

КОНСТАНТИН БАРШТ*

ФЕНОМЕН «ДАРВИНИЗМА» И ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ Ч. ДАРВИНА В ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ДОСТОЕВСКОГО

Статья анализирует влияние, которое оказала на русскую общественную жизнь книга Ч. Дарвина, распространение не полностью совпадавшего со взглядами Дарвина так называемого «дарвинизма», требовавшего распространить законы природы и «естественный отбор» на сферу социальной жизни. Философские и социологические выводы из этого становились предметом горячего обсуждения в русской публицистике, включая и журнал братьев Достоевских «Время», который, силами Н.Н. Страхова, откликнулся на французскую публикацию «О происхождении видов» статьей «Дурные признаки». Эту работу Страхова редактировал Достоевский, полностью согласный с ее содержанием. Концепция «почвенничества», которую развивал писатель в эти годы, идеологически противостояла «дарвинизму», требуя установить нормы общественной жизни на религиозно-нравственные основы. Основные пункты этой статьи стали опорными тезисами аллегорического отражения книги Ч. Дарвина в художественных произведениях и публицистических выступлениях 1860–1870-х гг.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «О происхождении видов» Ч. Дарвина, Н.Н. Страхов, феномен русского дарвинизма.

В течение всей жизни Достоевский находился в активном диалоге с естественно-научной областью знаний. В юности он получил начальные научные сведения в пансионе Леонтия Чермака в Москве (1834–1837), затем в течение пяти лет изучал физику и химию в одном из лучших учебных заведений России, петербургском Главном инженерном училище (1837–1843)¹. В 1846–1849 гг. активно осваивал библиотеку М.В. Бутаевича-Петрашевского (1846–1849), и начиная с 1860-х гг. знакомился с трудами западноевропейских натуралистов, в оригинале и в русских переводах, многие из которых существенно

* Константин Абрекович Баршт, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — konstantin_barshat@pushdom.ru

K. A. Barsht, Dr. of Philology, Professor, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

¹ *Максимовский М.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869. СПб., 1869. С. 43–45.

повлияли на его литературную, публицистическую и издательскую деятельность в журналах «Время», «Эпоха», «Гражданин» и «Дневник писателя». Среди ученых, чьи концепции затрагивал Достоевский в своих письмах и произведениях, можно назвать Аристотеля, И. Бенгтама, К. Бернара, К. Бокля, Ф. К. Х. Л. Бюхнера, Гартвига, К. Ф. Гаусса, Т. Г. Гексли, Г. Гельмгольца, А. Ф. В. фон Гумбольдта, Н. Коперника, Дж. Г. Льюиса, Дж. Милля, Т. Р. Мальтуса, Д. И. Менделеева, Н. И. Мечникова, Я. Молешотта, И. М. Сеченова, М. Фарадея и многих других. Особенностью восприятия Достоевским этого корпуса знаний, многообразных и идеологически разнонаправленных концепций, можно считать его стремление извлечь из них общепhilософский вывод в этико-онтологическом аспекте, связанном с перспективой новых версий ответа на «вековечный вопрос» о смысле и цели существования человека, решение которого более всего остального волновало писателя на протяжении всей его жизни. Среди множества научных доктрин, заполнявших научно-гуманитарное пространство Европы в XIX в., особую роль играла теория эволюции Чарльза Дарвина, доказывавшая тезис о возникновении и эволюции организмов растений и животных под действием естественного отбора и в рамках так называемой «борьбы за существование». Достоевский в своих произведениях, публицистических выступлениях и письмах многократно обращался к философским выводам из этой концепции, оставившей существенный след в его творчестве в период создания «больших романов», в 1860–1870-е гг.

Книга Дарвина «О происхождении видов» вышла в Лондоне в 1859 г.², Достоевский впервые познакомился с ней по вышедшему в 1862 г. французскому переводу³. Чуть позже, в 1864 г., вышел русский перевод⁴, и по многочисленным откликам в русской и зарубежной печати, часть из которых связана с его редакционно-издательской деятельностью, было ясно, что писатель не мог обойтись без участия в широкой дискуссии вокруг идей Дарвина, произведших в русском, да и во всем европейском сообществе эффект информационного взрыва. Вторая книга Дарвина, вышедшая в 1868 г., была посвящена аргументации его основного тезиса о «естественном отборе» на материале истории

² *Darwin Ch. On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life.* London, 1859. 440 p.

³ *Darwin Ch. De l'origine des espèces: ou des lois du progrès chez les êtres organisés / Par Ch. Darwin; traduit en français sur la 3^e édition avec l'autorisation de l'auteur par M^{lle} Clemence-Auguste Royer; avec une préface et notes du traducteur.* Guillaumin et C^{ie}, Libraire-Editeurs: Victor Masson et Fils, Libraires-Editeurs, 1862. 712 p.

⁴ [Дарвин Ч.] О происхождении видов в царстве животном и растительном путем естественного подбора родичей или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование. Соч. Чарльса Дарвина; пер. с англ. проф. Моск. ун-та С. А. Рачинский. СПб., 1864. 399 с.; *Дарвин Ч. О происхождении видов путем естественного подбора или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование.* Пер. с англ. проф. Моск. ун-та С. А. Рачинский. 2-е изд., испр. М., 1865. 399 с.

одомашнивания животных⁵, а третья, в 1870 г., самому важному в идеологическом отношении вопросу — о происхождении человека⁶, в течение одного года эта книга была переведена на русский язык и также получила широкий резонанс⁷.

О большом внимании Достоевского к научному творчеству Дарвина и к полемике вокруг его идей говорит тот факт, что в личной библиотеке писателя находилась книга «О происхождении человека», а также другой труд Дарвина — «О выражении ощущений у человека и животных» (1872)⁸. В конце 1870-х гг. Достоевский приобрел книгу В. В. Берви-Флеровского о Дарвине⁹, книгу своего соратника по борьбе с «нигилистами» Н. Н. Страхова «О развитии организмов»¹⁰, а также регулярно читал различные материалы о дарвиновской теории в русской и зарубежной прессе. Что касается «Происхождения видов», то он не только читал этот труд Дарвина, но и организовал его рецензирование в издаваемом им журнале «Время».

Сама по себе теория эволюции, известная задолго до Дарвина, особых идеологических споров не вызывала; точкой, где сходились в горячих дискуссиях сотни и тысячи авторов, публицистов и философов, была именно идея природной и социальной естественности того жестокого отбора, при котором гибнут слабейшие (в каком отношении слабейшие?) и выживают сильнейшие (параметры «сил» которых в условиях цивилизации выглядят подчас слишком уж архаично). Споры эти выходили далеко за пределы естественно-научной парадигмы, затрагивая вопрос о самом смысле существования человечества в целом. Таким образом, теория Дарвина двигалась по двум руслам — критическому обсуждению в кругах ученого сообщества биологов, продолжающегося, в свете открытий генетики, и по сей день, и панегирическому восхвалению со стороны разного рода социальных преобразователей, увлеченных утопическими идеями о полном слиянии природы и человеческого сообщества, стремящимися изготовить из научной гипотезы политическую доктрину и применить ее в революционных целях. Русские социалисты и левые «прагматики-реалисты», среди которых выделялись М. А. Антонович (1835–1918), В. А. Зайцев (1842–1882), П. Л. Лавров (1823–1900), Н. К. Михайловский (1842–1904), приняли книгу Дарвина как пособие по строительству социальной гармонии, основанной на «науке», напрямую прилагая дарвинову

⁵ *Darwin Ch.* The Variation of Animals and Plants under Domestication. London, 1868. 412 p.

⁶ *Darwin Ch.* The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex: In 2 vols. Vol. 1. London, 1870. 688 p.

⁷ *Дарвин Ч.* Происхождение человека и подбор по отношению к полу. СПб., 1871. 933 с.

⁸ *Дарвин Ч.* О выражении ощущений у человека и животных. СПб., 1872. 335 с.

⁹ [Берви-Флеровский В. В.] Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина. СПб., 1878. 210 с.

¹⁰ *Страхов Н. Н.* О развитии организмов. Попытка точно поставить вопрос // Природа / Ред. Л. Н. Сабанеев. М., 1874. Кн. 1. С. 1–58.

концепцию биологической эволюции в живой природе к общественному устройству, имея огромный успех у читающей публики. Теория Дарвина удачно подверстывалась к идее революции: революция требовала жертв, и дарвиновская теория о выживании сильнейших как о пути к «улучшению породы» оказалась очень кстати тем, кто пытался эти грядущие жертвы оправдать и даже счесть их общественным благом. Модное учение, усвоенное из достаточно большого количества трудов не всегда корректных популяризаторов, породило огромное количество мифов, среди которых едва ли не первое место занимала идея «борьбы за существование», любые формы которой есть благо с исторической точки зрения. В конечном итоге у неспециалистов, и особенно молодых людей, которые легко поддаются обаянию популярной теории, рождался тот самый «туман» в головах учащейся молодежи, о котором писал в «Русском вестнике» В. П. Безобразов¹¹. Газета «Голос» писала о Дарвине и выводах из его концепции, касающихся неравенства рас: «Откуда пришли те нелепые идеи о жизни, душе и человеке, которые вскружили голову нашим молодым людям и погубили столько свежих сил, как не из лекций и книг этих многоучепных немцев? Не у Бюхнеров ли и Мошоттов заимствованы курьезные понятия о том, что человек есть только одна из форм действующей природы, отличающаяся от животных одним высшим развитием; что мысль не что иное, как механическое последствие организма; что единственная цель нашей жизни — наслаждение; что у женщины мозга меньше, чем у мужчины, следовательно, она обречена на низкое существование; что негр от природы ниже белого и оттого черная раса осуждена на вечное рабство, и проч., и проч.»¹². О раздутии образа Дарвина до размеров пророка, возвещающего о будущем всего человечества, писал журналист Л. К. Панютин: «Скромному английскому ученому никогда и во сне не грезилось, что на дальнем севере его строго-научные исследования о естественном подборе сделаются символом какой-то новой веры и программой, якобы, политической партии; а случилось именно так»¹³.

На противоположном крыле обсуждения теории «борьбы за жизнь» находился журнал «Русский вестник» (М. Н. Катков, Н. А. Любимов), к сожалению, имевший репутацию консервативного, а некоторые считали — охранительного издания. Однако важной и симпатичной особенностью журнала было стремление освещать новости в сфере естественных и точных наук, к чему привлекались виднейшие русские ученые, как, например, К. А. Тимирязев, С. А. Рачинский, М. Ф. Хандриков, Г. Е. Щуровский, К. Ф. Рулье, А. П. Лебедев, Д. Н. Абашев,

¹¹ Безобразов В. П. Очерки нижегородской ярмарки // Русский вестник. 1866. Кн. 1. С. 278.

¹² Голос. 1870. № 318. 17 (29) ноября.

¹³ Голос. 1870. № 274. 15 (27) марта.

Дж. Герцель и др. Серьезность отношения к мировоззренческой составляющей теории Дарвина со стороны редакции «Русского вестника» выявляет большой обзор английской литературы о концепции Дарвина по материалам из журнала *Quarterly Review*¹⁴. Научные концепции Дарвина обсуждали практически все русские периодические издания, особое старание проявлял журнал «Дело» Г. Е. Благосветлова, где, помимо Дарвина, активно обсуждали труды других биологов-материалистов, Т. Гексли, Я. Молешотта, М. Фарадея, Д. Тиндаля, А. Баркера и многих других. Позиция «Вестника Европы» в отношении дарвинизма была более сдержанной. Н. Корф, например, в статье «Теория Дарвина и вопросы педагогики» отстаивал приоритет «общего развития учителя» над педагогическим талантом¹⁵. Непрекращающееся «пережевывание до тошноты Бокля, Льюиса и Дарвина» отмечала «Эпоха» братьев Достоевских¹⁶. Пытаясь в конкурентной борьбе противостоять «Русскому вестнику» с его большим количеством переводных статей, журнал с сарказмом заметил, что поверхностная увлеченность естественными науками и «либеральность» довольно часто приводят к обратным результатам и вместо расширения кругозора ведут к догматическому мышлению: «Меряя достоинство вывода его либеральностью, чем мы гарантируем себя от промахов и увлечений? Оттого мы приняли многие либеральные гипотезы за доказанные истины, и по страсти своей строить на них свои выводы пришли ко многим истинам, которых бытие обязано только нашему стремительному невежеству... Дарвин, Бокль, в сущности, далеко не те, какими малюют их наши ученые референты»¹⁷. Вне всякого сомнения, эта мысль отражает отношение к предмету редактора журнала, Ф. М. Достоевского.

Признавая Дарвина (с долей иронии) одним из «предводителей европейской прогрессивной мысли», Достоевский выражал озабоченность «русской стороной его учения», которая состояла в «тех выводах из учений этих в виде несокрушимейших аксиом, которые делаются только в России; в Европе же возможность выводов этих, говорят, даже не подозреваема» (21, 132). Достоевский, который многократно выступал против «лакейства мысли» (25, 44–47) — чрезмерного доверия к любой идее, поступившей из авторитетного источника, — многократно обращался и к более частной теме слепого, нетворческого усвоения разного рода модных идей, поступающих извне страны, отмечая «современные аксиомы русских мальчиков, все сплошь выведенные из европейских гипотез» (15, 214). Одним из факторов, позитивно влиявших на распространение дарвинизма, был его полузапрещенный характер. Большая часть этих «уличных идей»,

¹⁴ Русский вестник. 1871. Кн. 11. С. 321–360.

¹⁵ Вестник Европы. 1873. № 5. С. 275–311.

¹⁶ Эпоха. 1864. № 7. С. 12.

¹⁷ Владиславлев М. И. Современный материализм. Физиологические письма Карла Фохта. СПб., 1864 // Эпоха. 1864. № 1. С. 1–16.

получающих быстрое распространение, является грубым искажением той или иной научной концепции: «...девять десятых из последователей новых идей ее исповедуют, другими словами, девять десятых прогрессистов и не умеют у нас иначе понимать новых идей. У нас Дарвин, например, немедленно обращается в карманного воришку...» (25, 46). Достоевский многократно выражал подобное же беспокойство, предупреждая, что на Западе теория Дарвина является лишь гипотезой, в то время как в России она давно принята как незыблемая истина (23, 8). Писатель намеревался включить в роман «Братья Карамазовы» большой диспут о Дарвине, в котором его учение трактовалось бы как недоказанная гипотеза (15, 307), но затем ограничился несколькими замечаниями такого рода, где содержится иронический намек на безоглядный дарвинизм русской молодежи. Имеющий естественно-научное образование Иван Карамазов замечает: «Все современные аксиомы русских мальчиков, все сплошь выведенные из европейских гипотез <...> и не только у мальчиков, но, пожалуй, и у ихних профессоров» (14, 214). В своем «Дневнике писателя» Достоевский заметил: «...у нас ни в чем нет меры. На западе Дарвинова теория — гениальная гипотеза. а у нас давно уже аксиома. На Западе мысль, что преступление весьма часто есть лишь болезнь, — имеет глубокий смысл, потому что сильно различается, у нас же эта мысль не имеет никакого смысла, потому что совсем не различается — и все, всякая пакость, сделанная даже червонным валетом, и та чуть ли не признается болезнью и — увы! — даже видят в этом нечто либеральное!» (23, 8). Эта же мысль звучала в статье «Одна из современных фальшей» (21, 132), а также в «Братьях Карамазовых», где устами Ивана: «...я давно уже положил не думать о том: человек ли создал бога или бог человека? Не стану я, разумеется, перебирать на этот счет все современные аксиомы русских мальчиков, все сплошь выведенные из европейских гипотез; потому что что там гипотеза, то у русского мальчика тотчас же аксиома и не только у мальчиков, по, пожалуй, и у ихних профессоров, потому что и профессора русские весьма часто у нас теперь те же русские мальчики» (14, 214).

Дочь писателя, Любовь Федоровна Достоевская, вспоминает: «Молодые русские девушки, которых до сих пор воспитывали на французский лад, не хотели больше выходить замуж за выбранных их родителями женихов и отказывались бывать в обществе. Их матери слишком много танцевали, дочери презирали балы и предпочитали литературные вечера или научные лекции. Они смеялись над романами и восторгались произведениями Дарвина. Они не обращали никакого внимания на свою внешность. <...> коротко стригли волосы, чтобы не тратить время на прически, носили очки, черные платья, русские рубашки. Они мечтали учиться в университете. <...> Моя мать была воспитана так, что, естественно, не могла участвовать в подобных глупостях. Послушная заповедям православной церкви, она считала свободную

любовь смертным грехом. Короткие волосы и очки казались ей ужасно уродливыми <...> Она пыталась читать Дарвина, но нашла его скучным, а мысль о том, что обезьяны были ее предками, мало что ей говорила. Ее юную фантазию будили лишь романы и стихи русских писателей»¹⁸. Свидетельством о том, насколько глубоко проникли идеи Дарвинизма в русское общество, являются воспоминания А. А. Зеленецкого, студента С.-Петербургской духовной академии, в которых он свидетельствует: «В детстве я был очень религиозен, но когда мне минуло 16 лет, общее увлечение молодежи Дарвином, Спенсером и теорией эволюции увлекло и меня — и я сделался скептиком, хотя по привычке и продолжал ходить в церковь. Нравственности я не отвергал, хотя и чувствовал, что без религии одной нравственности недостаточно. Да и в самой системе атеизма, по моему крайнему разумению, были большие пробелы. Кроме того, меня занимал вопрос о народничестве»¹⁹.

Как бы комментируя эти сведения, в конце жизни, 10 июня 1876 г., отвечая на письмо своего читателя П. П. Потоцкого, Достоевский говорит о трагических путях таких русских девушек и юношей, запутавшихся в сетях социального дарвинизма: «Это всё те мужчины и женщины, которые ищут что-нибудь повыше середины и рутины, которые хотят жить духовно, хотят участвовать в деле человеческом, готовы на подвиги и на великодушие. Но, уходя из домов своих, попадают в круги лиц, уверяющих их, что духовной жизни нет и что жизнь духовная — сказка, а не реализм. Что великодушия тоже нет, а есть только борьба за существование. Писарева спрашивает тогда “что делать?”. Ей отвечают: быть повивальной бабкой. По крайней мере, будете полезны обществу. Уверовав, Писарева поступает в бабки: долгие годы учения, духовной пищи никакой, ей бы хотелось что-нибудь узнать, расширить взгляд, ум, приобрести образование, а между тем безо всякого образования натолкнули прямо на трудную специальность. Если она человек с сердцем, то, разумеется, надорвется и устанет. “Я бы желала видеть красоту людей и мира, проявить сама великодушие”, думает она иногда про себя, а между тем везде одна борьба за существование! Наконец, ее поражает мысль: “великодушия нет, а ступайте в повивальные бабки — будьте тем полезны”. Но если нет великодушия, не надо быть и полезным. Кому это? Под конец полное разочарование» (29², 87). В картине мира Достоевского красота была маркером истины или, лучше, пути к ней. Другого мнения придерживались «реалисты» и последователи концепции Дарвина Д. И. Писарев и В. А. Зайцев, которые, ссылаясь на Дарвина, считали, что искусство — это часть общего производственного процесса. Им возражал сотрудник «Эпохи» Н. Соловьев, который писал: «Наука в этом хаосе ничего не может объяснить, кроме

¹⁸ *Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. С. 106–107.

¹⁹ Цит. по: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1987. С. 516.

физиологической сущности явлений. Группировать же и улавливать эти явления и определить их жизненный смысл может только искусство. Оно только дает нам средство к высшему уразумению жизни»²⁰.

Повальное увлечение студенчества модной идеей социальной эволюции довело власти до того, что министр народного просвещения Д. А. Толстой решил противостоять этому с помощью изучения древних языков, до максимума загрузив учащуюся молодежь, до такого уровня, чтобы у них не было сил и времени обращать внимание на новые революционные идеи, включая теорию эволюции Ч. Дарвина²¹. В «Братьях Карамазовых» устами гимназиста Коли Красоткина Достоевский воспроизводит эту мысль, громко звучавшую в публицистике 1860-х гг.: «Классические языки, если хотите всё мое о них мнение, — это полицейская мера» (14, 498). Не сочувствуя любым мерам «полицейского» характера, писатель, вероятно, думал, что латынь менее опасна для детских голов, чем идея «социального дарвинизма».

В 1861 г. в журнале братьев Достоевских «Время» уже появилось первое упоминание о Дарвине, где ученый назван в числе группы материалистов, составляющей педагогический коллектив, обучающий русскую молодежь революционным идеям, объясняющий с помощью физиологии суть бытия человека, общественную жизнь и существование человечества в целом: «Все эти Льюисы, Бокли, Милли, Дарвины — преопасный народ»²². Неослабевающий интерес Достоевского к теории Дарвина очевиден в связи с публикацией им рецензии Д. Штрауса, автора «Жизни Иисуса»³¹, где он приветствовал Дарвина, «озарившего новым светом» то, к чему призывали проповедники «Новой веры»²³. К учению Дарвина в «Гражданине» обращался также К. П. Победоносцев, который вовсе не считал оправданными волнения относительно влияния дарвинизма на русское общество (тут он глубоко ошибался)²⁴. В «Гражданине» также упоминались работы о новой науке, евгенике, в которой утверждалась необходимость мер по регулированию рождаемости, в частности, ограничению возможности завести ребенка для супружеских пар, в которых обнаружены признаки психических болезней, с угрозой, что в противоположном случае через несколько поколений мир может сойти с ума. Эти далеко идущие выводы не принадлежали

²⁰ Эпоха. 1864. №7. Отд. V. С. 8.

²¹ М. А. Антонович по этому поводу писал: «Бесплодность и бессмысленность такой системы очевидна для самых обыкновенных здравомыслящих людей и, вероятно, очевидна для самих защитников этой системы, которые, наверное, имеют какие-нибудь особенные умыслы и задние мысли и только потому горячо стоят за нее» (*Антонович М. А. Избранные философские сочинения.* [М.], 1945. С. 339).

²² Время. 1861. №11. С. 51.

²³ Гражданин. 1873. №39. С. 1048.

²⁴ См.: *Захреб А. Достоевский и Дарвин // Достоевский и мировая культура. Альманах.* №28. СПб., 2012. С. 39–40.

Дарвину, однако, как указывает А. Зограб, русская публика воспринимала их как откровения самого автора «теории эволюции»²⁵.

С различными версиями этой парадигмы Достоевский знакомился не только по трудам Дарвина и статьям коллег-литераторов, но и по сочинениям некоторых западноевропейских дарвинистов — Альфреда Уоллиса, Дж. Тинделя и Томаса Гексли. Об этом говорят аллюзия на их сочинения в текстах Достоевского. В «Записках из подполья» протагонист с грустью отмечает: «Уж как докажут тебе, например, что от обезьяны произошел, так уж и нечего морщиться, принимай как есть». (5. 105). Версию происхождения человека от обезьяны высказывал к этому времени Т. Гексли²⁶, К. Фохт²⁷, в России — В. А. Зайцев²⁸, в то время как Дарвин защищал эту гипотезу в своем «Происхождении человека» значительно позже, в 1870 г.²⁹ Однако уже следующая фраза героя Достоевского указывает именно на Дарвина, и тут с сарказмом трактован известный вывод дарвиновского «естественного отбора», полезного для «урода»: «Уж как докажут тебе, что, в сущности, одна капля твоего собственного жира тебе должна быть дороже ста тысяч тебе подобных и что в этом результате разрешается под конец все так называемые добродетели и обязанности и прочие бредни и предраусудки, так уж так и принимай, нечего делать-то...» (5. 105). Эта фраза «подпольного» имеет тройной аллюзивный адрес, указывая, помимо Дарвина, на французскую переводчицу его «Происхождения видов» Клеменцию Руайе (Royer) и на непримиримого критика ее интерпретации дарвиновой доктрины философа Николая Страхова, который написал рецензию на английскую, немецкую и французскую версии книги³⁰, дав жесткий и принципиальный ответ печатного органа братьев Достоевских хищной концепции «социальных дарвинистов»³¹.

Нельзя сказать, что Страхов вознамерился усомниться в научном достижении Дарвина, симпатичной стороной теории которого, по его мнению, является то, что английский ученый опроверг догму

²⁵ Там же. С. 43.

²⁶ Гексли Т. Г. Место человека в царстве животном. Пер. с нем. изд. д-ра В. Каруса. М., 1864. 180 с.

²⁷ См.: Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. М., 2006. 635 с.

²⁸ Зайцев В. А. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. 1863–1865. М., [1934]. С. 497–498.

²⁹ Заметим, что в первой версии рассказа «Крокодил» (1865) Достоевским была намечена сюжетная линия с демонстрацией обезьяны как предка человека: «Милюков в рассказы. Зверинец (обезьян немцы всяких показывают)» (5, 330). Героиня рассказа Елена Ивановна, жена проглоченного крокодилом чиновника, испытывает по отношению к обезьянам нежные, родственные чувства (5, 181).

³⁰ On the origin of species by Ch. Darwin. 1859; Über die Entstehung der Arten im Thier- und Pflanzen-Reich durch natürliche Zuchtigung. Uebers. ond mil Aumerk. v. Dr. H. G. Bronn. Shift; 1860. 520 S.; De l'origine des especes ou des lois du progres chez les etres organises par Ch. Darwin. Trad. par Climence-Aug. Royer, avec pref. et notes du traducteur. Paris, 1862.

³¹ Страхов Н. Н. Дурные признаки (О книге Ч. Дарвина «Происхождение видов») // Время. 1862. № 11. Ноябрь. С. 158–172.

о постоянстве видов животных, обитающих на Земле: «Все, что считалось неподвижным и несомненным, поколебалось и двинулось <...> все изменяется и что постоянны не сущности, а законы их изменения. <...> успех этого взгляда, последнюю его победу мы видим в книге Дарвина. Эта книга опровергает так называемое постоянство видов, — догмат, который упорно защищали до сих пор все признанные натуралисты»³². С другой стороны, предпосылая своей статье иронический эпиграф из К. Линнея «O quam contempta res est homo, nisi supra humana surrexerit!»³³, он выставляет важнейший акцент: социально-бытовая жизнь человека и его высшее предназначение не совпадают, более того — находятся в состоянии конфликта, поэтому научные данные о физиологии человека ни в коем случае не отражают всю правду о сущности человеческой жизни: «Вообще говоря, мы знаем, что главный центр тяжести исторического движения не совпадает с областью естествознания. Жизнь человеческая руководится и направляется другими, более глубокими основаниями»³⁴. В продолжение этой мысли им отрицается способность естественных наук ответить на кардинальный вопрос о смысле существования человека и о содержании истории человечества. Таким образом, независимо от того, что и как сказал Дарвин, его теория априори не может рассматриваться как универсальная философия или социальная программа, что ясно обнаруживается в общественной жизни России и Европе начиная с 1860-х гг. Страхов трактует концепцию Дарвина как версию идеологии прогрессизма, в историко-политическом аспекте получившую свое крайнее воплощение в «Капитале» К. Маркса — не случайно коммунисты столь прочно ухватились за эту идею³⁵. Оставляя в стороне концепцию органической эволюции, имеющую сугубо научное значение, Страхов сразу переходит к главному — «борьбе за существование», переведенной им на русский язык как «закон естественного избрания или жизненной конкуренции» и изложенный следующим образом: «Между всеми органическими существами, рассеянными на поверхности земного шара, существует конкуренция, неизбежно проистекающая из их размножения в геометрической прогрессии: это закон Мальтуса в приложении ко всему животному и растительному царству. Так как рождается гораздо больше неделимых, чем сколько может жить, и так как вследствие этого между ними постоянно возобновляется борьба за средства существования, то отсюда следует, что если какое-нибудь существо

³² Страхов Н. Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб., 1865. С. 179.

³³ Каким презренным существом является человек, если он не возвышается над человеческим! (лат.) Страхов Н. Н. Дурные признаки. С. 158.

³⁴ Там же. С. 163.

³⁵ «Вера в прогресс, в развитие, в усовершенствование заступила место веры в неизменные сущности и вечные истины. Последний успех этого взгляда, последнюю его победу мы видим в книге Дарвина» (Страхов Н. Н. Дурные признаки. С. 165).

отличается от других хотя бы весьма незначительно, но так, что это отличие выгодно для него лично, то при сложных и часто изменчивых условиях жизни такое существо имеет больше возможности пережить другие и таким образом будет *естественным образом избрано* или предпочтено другим. Затем по всемогущим законам наследства, всякая *избранная разновидность* получает стремление передавать размножением свою новую видоизмененную форму»³⁶.

Далее Страхов выражает восхищение научным гением Дарвина, в качестве важнейшего пункта его доктрины отмечая, что мировая биологическая эволюция зависит от судьбы каждого частного организма: «ему принадлежит великая заслуга первого указания на *внутренний закон* развития организмов». С сочувствием пишет Страхов о ретроградной реакции на открытие Дарвина, который сделал важнейший вклад в науку, но сугубо негативное отношение у него вызвало «длинное предисловие» и примечания к книге, написанные французской переводчицей Клеменцией Аугустой Руайе (Royer), обращающие безобидный научный трактат в апологию жестокости и насилия. С сарказмом он цитирует ее слова о том, что смерть детей от голода — это благо, а «Мальтус простодушно принимал это за несчастье», так как сильные дети отберут кусок у более слабых, и это несомненно будет способствовать «прогрессу — улучшению всего племени»³⁷. «Подобные мнения чудовищны, невероятны, но, как видит читатель, они существуют, — замечает Страхов. — Девица Руайе бестрепетно приводит свою мысль до конца и не останавливается ни перед какими следствиями»³⁸. Однако это было лишь началом, далее Руайе переходит к христианскому догмату о жертве собой ради ближнего, доказывая полную бессмысленность такого поступка и его «антинаучный» характер: «...как были ложны до сих пор наши законы политические и гражданские, а также наша религиозная мораль», констатируя «преувеличение того сострадания, того милосердия, того братства, в котором наша христианская эра постоянно полагала идеал социальной добродетели; на преувеличение даже самопожертвования, состоящее в том, что везде и во всем сильные приносятся в жертву слабым, добрые злым, существа, обладающие богатыми дарами духа и тела, — существам порочным и хилым»³⁹. Обнаруживая знак равенства между существом «хилым» и «порочным», французская переводчица ставит под сомнение право на жизнь любого человека, физиологически в чем-то уступающего чемпиону Олимпийских игр по легкой атлетике, она называет «неразумной» помощь «слабым, больным, неизлечимым <...> обиженным природою»⁴⁰, в результате чего общественные бедствия лишь увеличиваются, а все

³⁶ Страхов Н. Н. Дурные признаки. С. 167.

³⁷ Там же. С. 169.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

общество из-за этого влачит «чахлое существование»⁴¹. Называя автора этих рассуждений «передовой девицей», Страхов, безусловно, метит не в безразличную ему французскую переводчицу, но в современных ему русских девиц и юношей, в огромном своем количестве предавшихся «одури» подобного рода членовредительской идеологии. С другой стороны, он указывает, что, исходя из данной логики, все развитие европейской цивилизации шло «так сказать *противоестественно*», поскольку «мы не слушаемся природы <...> Мы сознательно поставили для себя иной закон, иную норму, иной идеал, чем те законы и идеалы, которым следует природа»⁴².

В оправдание Дарвина необходимо сказать, что примитивное, буквальное понимание идеи о том, что в процессе эволюции выживает «сильнейший» как наиболее приспособленный, не принадлежит ученому, являясь продуктом творчества многочисленных популяризаторов и интерпретаторов его учения. Мысль Дарвина была иной: выживает самый востребованный биосферой, пользуясь более современным понятием, то есть тот, кто более всего необходим эволюции, находящейся, по его мнению, в руках Провидения. Однако следует отметить, что и Руаие сделала достаточно корректный вывод из писаний Ч. Дарвина. Он в своей книге действительно доказывал эту мысль, ведь существующие в природе случаи симбиоза, когда различные организмы без видимых причин отдают свое другому живому существу, Дарвин объяснял тем, что происходит процесс освобождения организмов от лишнего, мешающего им продукта их жизнедеятельности. Таковы, например, травяные тли и пасущие их муравьи: «...инстинкт каждого вида полезен собственно ему, но никогда, насколько можем мы судить, не слагается исключительно во благо другому виду. Один из самых резких известных мне примеров животного, совершающего действие, по-видимому, лишь на благо другого, представляет нам тля, добровольно уступающая свое сладкое отделение муравью; что она делает это добровольно, явствует из следующих фактов», — далее следует описание эксперимента⁴³. Страхов замечает, что человечество, по крайней мере, последние несколько тысяч лет движется в данном вопросе вразрез с природой, но именно это и обеспечивает ему тот прогресс, который столь мил защитникам безморального социального дарвинизма. С иронией Страхов замечает, что, к сожалению, человечество «не слишком преувеличивает сострадание, милосердие и самопожертвование», в ряде случаев, действительно, действуя в духе растений и животных: «Сильный давил слабого, богатый бедного <...> Жертвы погибали во множестве. <...> владыками жизни и обладателями благ всегда оставались *естественные избранники* и прогресс

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 170.

⁴³ Дарвин Ч. О происхождении видов путем естественного подбора. М., 1865. С. 171.

усовершеня⁴⁴ человеческой породы шел вперед быстро и безостановочно»⁴⁵.

Этот диалог с патологическими общественно-политическими выводами из биологической концепции, зафиксированный Н. Н. Страховым, безусловно проходил через сердце и разум Достоевского, не только как издателя «Времени», редактировавшего эту статью, но и как принципиального противника членовредительских и кровожадных теорий, извлеченных из писаний Мальтуса, Дарвина и их последователей. Аллюзивный шлейф этого спора о Дарвине продолжался затем на всем протяжении жизни Достоевского, получив свое отражение во всех созданных им произведениях. Мысли Руайе о естественности и правильности смерти ребенка от голода в целях «улучшения породы» отозвались при создании персонажами «Бесов», в согласии с концепциями Мальтуса и Дарвина, проектов регулирования народонаселения нового общества: «Если пищи будет мало и никакой наукой не достанешь ни пищи, ни топлива, а человечество увеличится, тогда надо остановить размножение. Наука говорит: ты не виноват, что так природа устроила, и прежде всего чувство самосохранения на первом плане, стало быть, сожигать младенцев. Вот нравственность науки. <...> Сожжение младенцев обратится в привычку, ибо все нравственные начала в человеке, оставленном на одни свои силы, условны» (11, 181). Такая же участь ждет и осужденные Руайе христианские нравственные правила: «“Друг для помой и нужен <...> Как, думаешь ты, будет устроена дружба в будущем обществе? Да там дружбы не будет, а отношения сами собой выяснятся по строгим, научным, естественным определениям”. — “Что же, люди будут пешки?” — “Совсем нет, а узнав точно, что именно в натуре человека естественно и необходимо, не станут этим самым попрекать человека как недостатками и пороками его, ссориться и брезгать им. Никакой тут не нужно будет любви, тем более христианской, а одно только знание, наука”» (11, 70). В романе «Идиот» содержится аллюзия на этот пассаж К. Руайе: Лебедев рассказывает об антропофаге, напрямую реализовавшем идею «естественного отбора», который «в продолжение долгой и скудной жизни своей умертвил и съел лично и в глубочайшем секрете шестьдесят монахов и несколько светских младенцев» (8, 312).

В рукописях к роману «Бесы» фактор «борьбы за существование» (11, 421) — один из важных двигателей сюжета. Слова и действия подпольных революционеров в романе можно определить как воплощение идеи обострения «социальной эволюции» с помощью усиления внутренних социальных конфликтов на всех возможных уровнях. Соратники Петра Верховенского работают как катализаторы социальной эволюции, доводя ее до взрыва, чтобы смести с лица Земли все «лишнее»,

⁴⁴ Так в тексте.

⁴⁵ *Страхов Н. Н.* Дурные признаки. С. 170.

т. е. не выдерживающее обострения «борьбы за существование». Мысль «студента» о том, что после революции все «само собой устроится» на основании природного закона об эволюции, открытого Дарвином и Марксом, вызывало чувство протеста у Достоевского, который знал, что выход человека за пределы своей животной природы — тяжелая, неблагодарная работа, требующая воли и упорства. С сарказмом отзываясь о народнической идеологии, которая выдвигала мысль об априорной «природной» народной нравственности, Достоевский писал: «Вы говорите, что артели, ассоциации, корпорации, кооперации, торговые и другие всякие товарищества основаны на врожденном человеку чувстве общительности? Выгораживая русскую артель, которая еще слишком мало исследована, чтобы говорить о ней что-либо положительное, мы думаем, что все эти ассоциации, корпорации и проч. — все это лишь союзы одних против других, союзы, основанные на чувстве самоохранения, вызванные борьбою за существование; и это мнение наше подтверждается историею возникновении этих союзов, которые заключались сначала бедными и слабыми против богатых и сильных, а потом и эти последние стали пользоваться оружием своих противников. Да, история несомненно свидетельствует, что все эти союзы возникли из братской вражды, основаны не на потребности общения, как вы полагаете, а на чувстве страха за свое существование или же на желании получить барыш, выгоду, пользу, хотя бы и на счет ближнего» (22, 81).

Житейские пробы этой «естественной эволюции» составляют значительный слой произведений Достоевского. В романе «Подросток» отмечена реальная перспектива усиления криминогенной обстановки в обществе в связи с расширительной трактовкой и универсализацией принципов социального дарвинизма. В качестве примера упоминается один из таких мошенников, некто «мичман Осетров», который занимается «хождением по разного рода делам и, разумеется, возбуждением подобного рода дел в судах, из борьбы за существование» (13, 299). Те же мотивы и у жертвы «мичмана», Анны Андреевны, которая в результате интриг оказалась «в таком положении, что не могла не уцепиться <...> не пойти на удочку — “из борьбы за существование”» (13, 325). Трактую мысль о «борьбе за существование» как откровенно антихристианскую, прямо противоречащую Новому Завету, в рукописи романа «Братья Карамазовы» Достоевский записал реплику своего героя: «Неужто не веришь, что главнейшие пороки и беды человека произошли от голоду, холоду, нищеты и из невозможной борьбы за существование. Вот 1-я идея, которую задал злой дух Христу. Согласитесь, что с ней трудно справиться». 10 июня 1876 г., отвечая на письмо П. П. Потоцкого, одного из читателей своего «Дневника писателя», Достоевский добавил на ту же тему: «...если сказать человеку: нет великодушия, а есть стихийная борьба за существование (эгоизм) — то это значит отнимать у человека личность и свободу. А это человек отдаст всегда с трудом и отчаянием» (15, 408–409).

Особенное негодование Достоевского, Страхова, других членов редакции «Времени» вызывал вывод Руайе из книги Дарвина о ненужности политического и расового равенства людей — мысль, к сожалению, ставшая самым страшным наказанием для человечества начиная с середины XIX в. и по сей день. Без сомнения, взрывоопасность этих идей чувствовали многие, Страхов умышленно оставил этот пункт в своей рецензии на последнем месте в списке теоретических достижений «передовой девицы», приводящей «сильные основания против учения о политическом равенстве людей, которое она считает «невозможным, вредным и противоестественным»⁴⁶: «Нет ничего очевиднее как неравенство различных человеческих рас; нет ничего яснее, как это же неравенство между различными неделимыми одной и той же расой»⁴⁷. Далее, оперируя такими терминами, как «высшие расы» и «низшие расы», она выдвигает требование постепенного сведения к нулю низших рас, ни в коем случае не допуская расового смешения, самой возможности «смешаться и слиться с ними»⁴⁸. Заметим, что через сорок лет после того, как были написаны эти строки, на Всемирной выставке в Париже 1904 г. ее посетители могли полюбоваться на негров, сидящих в зевринце и изготавливающих там примитивные луки и стрелы, а еще через некоторое время на этом же основании образовалась идеология фашистского III Рейха. Здесь следует заметить, что Дарвин отдавал себе отчет во взрывоопасности его концепции, возражая потенциальным оппонентам: «Я знаю, что заключения, к которым приводит это сочинение, будут названы крайне нерелигиозными, но тот, кто так клеймит их, обязан доказать, чем безбожнее объяснять начало человека как отдельного вида происхождением от какой-нибудь низшей формы путем изменения и естественного подбора, нежели объяснять рождение отдельного неделимого посредством законов обыкновенного воспроизведения»⁴⁹.

Негативную перспективность этих теорем, со всей очевидностью, хорошо чувствовали Страхов и Достоевский: оба фиксировали в трудах Дарвина значительную пользу для биологической науки и одновременно гигантский вред человеческому сообществу от перевода этих теорем из сферы науки в области социологии, культуры и политики. Страхов указывал, что передергивание смыслов, которое осуществляет французская переводчица, обращает глубокую научную концепцию в пошлость; он указывает на ее главную ошибку — намерение «смотреть на людей как на животных». Равенство между людьми не «зоологическое понятие», пишет Страхов, люди равны между собою «именно как люди, а не как животные»⁵⁰, являя таким образом основной признак

⁴⁶ *Страхов Н. Н.* Дурные признаки. С. 170.

⁴⁷ Там же. С. 171.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор. Изд. 2-е. СПб., 1895. С. 416–417.

⁵⁰ Там же.

человеческого достоинства. Эту мысль безусловно разделял Достоевский. Он был убежден, что достоинство человека и его творческий потенциал прямо связаны между собой, поэтому сведение человека к животному является программой его сущностной деградации. В письме А. П. Философовой от 11 июля 1879 г. он выдвинул мысль, что некоторые вещи, существующие в жизни, очеловечивают людей, например — общение с детьми (30₁, 78), другие же — обращают в животное, например — борьба с ближним своим за свое личное благо. Практически все, что Достоевский говорил о Дарвине, совпадает с позицией Страхова. Можно считать, что у них была общая позиция, и потому тексты Страхова многое проясняют нам в отношении писателя к трудам Дарвина и дарвинизму как общественному явлению. Книга Страхова «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (СПб., 1867), а также его рецензия «Перевоорот в науке. “Происхождение человека и подбор по отношению к полу” Ч. Дарвина» (СПб., 1871)⁵¹, его рецензия на книгу Дарвина «Происхождение человека» (русский перевод которой вышел в 1871 г.), где он снова выступил против примитивного прогрессизма, приложенного неопитами к теориям Дарвина, в этом смысле — бесценные кладези сведений об отношении к концепции Дарвина лучших представителей русского общества.

Эти же идеи звучат в книге Н. Я. Данилевского «Дарвинизм» (СПб., 1885). В созревании этого блестящего исследования статья Страхова сыграла существенную роль. В своей рецензии на книгу Данилевского Страхов писал о ней как о явлении, «далеко выходящем из ряда», с огорчением — о том, что рядовая русская публика из всего Дарвина усвоила лишь то, что «по Дарвину человек происходит от обезьяны», в то время как Данилевский в своей монографии доказал ошибочность взгляда, согласно которому органический мир и мир человеческого общества могут быть приравнены друг к другу⁵². Книга Данилевского вышла через четыре года после смерти Достоевского, однако он в последние годы своей жизни познакомился с ней по рукописи и даже обсуждал ее с близкими ему людьми. Е. А. Штакеншнейдер в 1880 г. сделала запись в своем «Дневнике»: Достоевский «начал говорить про новую книгу Н. Я. Данилевского (она еще не вышла), в которой Данилевский доказывает, что все творения обладают даром сознания, не одни только люди, но и животные и даже растения. Сосна, например, тоже говорит: “Я есмь!” <...> “Сознать свое существование, мочь сказать: я есмь! — великий дар, — говорил Достоевский, — а сказать: меня нет, — уничтожиться для других, иметь и эту власть, пожалуй, еще выше”»⁵³. Это важнейшее свидетельство, показывающее глубокую

⁵¹ *Страхов Н. Н.* Перевоорот в науке. «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» Ч. Дарвина (СПб., 1871) // *Заря*. 1872. № 1. С. 1–18.

⁵² *Гражданин*. 1886. 7 марта. № 25.

⁵³ *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). М.–Л., 1934. С. 428.

заинтересованность писателя в вопросах, которые пробудили в русском обществе книги Дарвина. Достоевского, который всю жизнь боролся за установление жизни человека на прочный онтологический и нравственный фундамент, не устраивало, что жизнь каждого человеческого существа в рамках идеи «социального животного» оказывалась во власти случайности и вовсе не являлась необходимой Богу и всему целому Мироздания, во что он безусловно верил. В связи с таким пониманием, полностью в унисон с Достоевским, Данилевский писал: «...ясно, какой первостепенной важности вопрос о том, прав Дарвин или нет <...> нет другого вопроса, который равнялся бы ему по важности, ни в области нашего знания и ни в одной области практической жизни. Ведь это, в самом деле, вопрос “*быть или не быть*”, в самом полном, в самом широком смысле»⁵⁴. Причина распространения дарвинизма в России связана с тем, что в обществе назрела необходимость философии, которая предложила бы универсальный ответ на «вековечный вопрос» о смысле, цели и содержании человеческой истории в современном, но архаическом аспекте. Пресловутые «русские мальчишки», враждебно настроенные по отношению к существующему в стране режиму, требующие ясности и точности в понимании жизни, почувствовали то, что сформулировал Н. Я. Данилевский: теория эволюции — не столько биологическое, сколько философское учение, купол на здании механистического материализма, и только этим можно объяснить ее фантастический успех, мало связанный с научным значением: «Дарвиново учение есть не только и не столько учение зоологическое и ботаническое, сколько <...> философское». Переворачивая старые догмы, его теория одновременно предложила основательный фундамент для висевшего на зыбком основании материализма, установив его на «научное», «органическое» основание⁵⁵.

Отношение Достоевского к Дарвину как крупному ученому, но весьма слабому мыслителю, распространялось им и на других ученых-естественников. Примерно в таком же духе он писал о Д. И. Менделееве: «Наши специалисты могут быть людьми науки, но они необразованны», как «маленькие техники и ремесленники» (24, 292), подобным же образом он отзывался о другом крупном биологе И. М. Сеченове. Такие высказывания Достоевского можно воспринимать как выражение протеста против вторжения естественных наук в область, где они выводят человечество на уровень «биологической машины» и «социального животного». В конечном счете это вторжение ведет к уравнению человека с животным в самом прямом смысле со всеми грустными из этого выводами. Об этом Достоевский писал В. А. Алексееву 7 июня 1876 г.: «...вспомните о нынешних теориях Дарвина и других

⁵⁴ Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Т. I. Ч. 1. СПб., 1885. С. 18–19.

⁵⁵ Там же. С. 7.

о происхождении человека от обезьяны. Не вдаваясь ни в какие теории, Христос прямо объявляет о том, что в человеке, кроме мира животного, есть и духовный. Ну и что же — пусть откуда угодно произошел человек <...> но зато Бог вдунул в него дыхание жизни (но скверно, что грехами человек может обратиться опять в скота)» (29₂, 85). Дарвиновская обезьяна в роли ретроспективы или насущной перспективы человека стала героем тысяч различного рода упоминаний в литературных произведениях второй половины XIX в., в ряде случаев оказываясь в роли сюжетообразующего фактора⁵⁶. В «Записках из подполья» упоминается персонаж «из русских немцев», обладающий «обезьяним лицом», трусливый, глупый и амбиционный фанфарон (5, 127), в романе «Бесы» Ставрогин презрительно отзывается о Петре Верховенском как об «обезьяне» (10, 403), словно дикая «обезьяна» ведет себя в келье старца Зосимы Федор Павлович Карамазов (14, 36). Отказаться от обезьяньей манеры подражания разным «новым идеям», по мнению Достоевского, должна Россия, которая в формировании своего национального пути должна уйти от модной на Западе идеи социализма, и только этим она может заслужить отсутствующее, по его мнению, должное уважение к стране (25, 23). Количество такого рода аллюзий можно увеличить.

С другой стороны, безусловное уважение Достоевского вызывала очевидная любовь Дарвина к природе, растительному и животному миру, и это также нашло свое отражение в произведениях писателя. Работая над «Братьями Карамазовыми» и создавая философское завещание старца Зосимы, он прямо использует то восхищение многообразием и красотой окружающего мира, которое встретил в книге Дарвина: «Любопытно созерцать густо заросший берег, покрытый многочисленными, разнообразными растениями с поющими в кустах птицами, порхающими вокруг насекомыми, ползающими в сырой земле червями, и думать, что все эти прекрасно построенные формы, столь отличающиеся одна от другой и так сложно одна от другой зависящие, были созданы благодаря законам, еще и теперь действующими вокруг нас»⁵⁷. В таком же ключе старец Зосима поучает любить все творение Божие, весь живой мир: «Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах <...> И полюбишь наконец весь мир уже всецело, всемирно любовью. Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией. Человек, не возносись над животными: они безгрешны...» (14, 289). Эта же мысль встречается и в словах другого героя-философа

⁵⁶ См., например: *Мецгерский В.* Граф Обезьянинов на новом месте: Фантаст. этюд в 5-ти ч.: Продолжение сочинения «Один из наших бисмарков». Ч. 1–5. СПб., 1879. 239 с.; 261 с.; 271 с.; 324 с.; 255 с.

⁵⁷ *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. СПб., 1991. С. 419.

Достоевского, Макара Долгорукого из романа «Подросток»: «...травка растет — расти, травка Божия, птичка поет — пой, птичка Божия, ребеночек у женщины на руках пискнул — Господь с тобой, маленький человек, расти на счастье, младенчик! И вот точно я в первый раз тогда, в самой жизни моей, все сие в себе заключил <...> А что тайна, то оно тем даже и лучше; страшно оно сердцу и дивно; и страх сей к веселию сердца: “Все в тебе, Господи, и я сам в Тебе и прими меня!”» (13, 290).

Достоевский симпатизировал Дарвину как ученому, уважал его отношение к природе, но не принимал «вывоченные на улицу» идеи о происхождении человека, оправдывающие любые, самые преступные деяния в «борьбе за существование». Это корневое понятие, извлеченное из Дарвина и получившее в русской общественной реальности новый, более широкий смысл, пронизывает все творчество Достоевского, вызвав сотни аллюзий и во многом определив сюжетные конструкции романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

Термин «борьба за существование» Достоевский употреблял и в качестве простого аналога понятия «социальная жизнь» или «бытовая жизнь»: «Опрятность может быть свойством и прирожденным, наследственным. Но чаще всего приобретается опытом и долгими годами как необходимость в борьбе за существование» (27, 90). Мысль, что лучшие представители рода человеческого сознательно отказываются от житейской выгоды и правил «борьбы за существование», пронизывает все творчество Достоевского, начиная с «Бедных людей», где главный герой, Макар Алексеевич Девушкин, с сарказмом говорит, что «наиважнейшая добродетель гражданская — деньги уметь зашибить»⁵⁸. Достоевский считал, что человечество обязано своим культурным прогрессом «дон-кихотам», идущим против течения, презираемым и угнетаемым обществом, сосредоточенным на идее «личного блага», писал, что России катастрофически недостает верных своей идее «дон-кихотов», и в этом состоит трагедия страны (22, 92; 23, 179; 24, 91, 112, 133, 160, 162, 166–167; 25, 19, 47, 49, 50 и др.). Размышляя в этой связи о романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», Достоевский снова подчеркивает практическую «неразумность» выполнения заповеди возлюбить ближнего, и одновременно кардинальную необходимость ее выполнения, связанную с самим этико-онтологическим статусом человека как Гомо Сапиенс: «... все на свете понимают или могут понять, что надо любить ближнего как самого себя. В этом знании, в сущности, и заключается весь закон человеческий, как и объявлено нам самим Христом. Между тем это знание прирожденно, стало быть, послано даром, ибо разум ни за что не мог бы дать такое знание, — почему? да потому, что “любить ближнего”, если судить по разуму, выйдет неразумно. — Откуда

⁵⁸ Достоевский Ф. М. Бедные люди. М., 2015. (Сер. «Литературные памятники»). С. 41.

взял я это? (спрашивает Левин). Разумом, что ли, дошел я до того, что надо любить ближнего и не душить его? <...> Не разум. Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтобы душить всех, мешающих удовлетворению моих желаний. Это вывод разума. А любить другого не мог открыть разум, потому что это неразумно». Далее Достоевский воспроизводит сцену с детьми, которые пытаются поджарить малину на свече, и делает вывод: люди часто делают такое, что разрушает их мир, потому что просто не знают, что «то, что они разрушают, есть то самое, чем они живут» (25, 204).

Информационное поле страны было заполнено свидетельствами различных попыток привязать каждодневные корыстные интересы частных людей к великому научному открытию, что подвигало Достоевского к созданию новых и новых сюжетных поворотов в его произведениях. Работая над романом «Бесы», он формулирует в качестве единого психолого-морального комплекса, управляющего активностью революционеров, участников подпольного кружка Петра Верховенского: «Чувство самосохранения, борьба за существование» (12, 73). Работая над романом, он употребляет словосочетания «новое убийство» и «убийство в борьбе за существование» как синонимы (11, 371). Зоологический характер единения членов кружка, напоминающего своей конструкцией волчью стаю, усиливается сравнением с мухами, попавшими в паутину «к огромному пауку; злились, но тряслись от страху» перед своим руководителем, который «только выставил грубый страх и угрозу собственной шкуре» (10, 421). Чувствуя угрызения совести за несправедный поступок, главный герой этого произведения Николай Ставрогин пользуется для самооправдания модной формулой, объясняя «припадок неистовой страсти» ничем иным, как «борьбой организма за существование» (12, 128). В «Братьях Карамазовых» возможность взаимного уничтожения человеческими особями друг друга в процессе «борьбы за существование», с неким, предположительно, позитивным моральным итогом, формулируется в таком виде: «Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!» (14, 129).

Размышляя о недавней смерти своего старинного друга и коллеги, поэта Н. А. Некрасова, Достоевский в его судьбе находит то же противоречие между практическими жизненными проблемами, требующими своего разрешения, и христианским законом, трактующим человека как бессмертное существо, прибегая при этом к историческим аналогиям, сравнивая судьбы стран с судьбами отдельных людей. «...не отделяться от народа хотела интеллигенция наша, чуть только стала интеллигенцией, не поработить народ, как Речь Посполита, не отрезаться от него, как умирающий труп французской аристократии, а стать самому народом, уйти в него, очиститься им, признать, что нет выше правды его — на деле, значит, признание полное, по убежден<иям> (шатким) он западник, стало быть, интеллигенцию и Европу считал выше правды русской <...> К чему же тогда страдания его. Значит, борьба

за существ<ование> или практический взгляд о “Современнике” все оправдывает» (26, 193).

В «Бесах» скандальная «лекция» Степана Трофимовича Верховенского, неловкого защитника гуманитарных и эстетических ценностей, кончается тем, что в качестве образцовой жертвы социальной несправедливости в общей концепции «борьбы за существование» объявляется Федька Каторжный, вор и убийца, преступник-рецидивист, который недавно «совершил новое убийство. Позвольте спросить: если б вы его пятнадцать лет назад не отдали в рекруты в уплату за карточный долг, то есть попросту не проиграли в картишки, скажите, попал бы он в каторгу?» (10, 373)⁵⁹. Ничего, кроме рыданий, Степан Трофимович не смог предъявить задавшим этот вопрос дарвинистам, и тогда на сцену поднялся «лектор-маньяк», который произносит пламенную революционную речь, в которой дух «борьбы за существование» развернут как боевое знамя: «города сгорают правильно, в установленном порядке по очереди, в пожарный сезон. На судах соломоновские приговоры, а присяжные берут взятки единственно лишь в борьбе за существование, когда приходится умирать им с голоду. Крепостные на воле и лупят друг друга розгачами вместо прежних помещиков. Моря и океаны водки испиваются на помощь бюджету, а в Новгороде, напротив древней и бесполезной Софии, — торжественно воздвигнут бронзовый колоссальный шар на память тысячелетию уже минувшего беспорядка и бестолковщины. Европа хмурится и вновь начинает беспокоиться... Пятнадцать лет реформ!» (10, 375).

Термин «борьба за существование» тесно связан с другим популярным понятием — «среда заела», предполагающим оправдание преступления как реализации права на кусок хлеба каждому любой ценой. В «Преступлении и наказании» Достоевский дает художественную аргументацию ошибочности теории «социального дарвинизма»: не существует и не может быть никакого оправдания убийству человека, тем более — совершенному с целью материальной выгоды. В связи с этим можно только представить себе, что чувствовал писатель, читая рецензию Д. И. Писарева на свой роман «Преступление и наказание», в котором тот подверг прочтению роман Достоевского в социально-дарвинистском ключе: «Нет ничего удивительного в том, что Раскольников, утомленный мелкою и неудачною борьбою за существование, впал в изнурительную апатию; нет также ничего удивительного в том, что во время этой апатии в его уме родилась и созрела мысль совершить преступление. Можно даже сказать, что большая часть преступлений против собственности устраивается в общих чертах по тому

⁵⁹ В черновом варианте этот фрагмент звучит так: «не отдали в [замену] рекруты, в замену, за карточный долг, скажите, был ли бы он в каторге и убивал ли бы теперь, в борьбе за существование?» (11, 371). Тему объяснения уголовных преступлений «органическими» причинами Достоевский поднимал также в «Дневнике писателя» за 1877 г. (25, 41–47), показав, что оправдание преступления с помощью биологических теорем ведет к логическому и нравственному тупику.

самому плану, по какому устроилось преступление Раскольникова. Самую обыкновенную причину воровства, грабежа и разбоя является бедность; это известно всякому, кто сколько-нибудь знаком с уголовною статистикою <...> огромное большинство людей, отправляющихся на воровство или на грабеж, переживают те самые фазы, через которые проходит Раскольников»⁶⁰. Такое понимание сущности социальной жизни, диаметрально противоположное смыслу, вложенному Достоевским в сюжет произведения, свойственно персонажу «Преступления и наказания» Андрею Семеновичу Лебезятникову — глуповатому стороннику «новых теорий», который пробовал было излагать П. П. Лужину основы дарвинизма, однако без особого успеха, возможно потому, что Лужин сам являет собой образец точного применения закона природного «естественного отбора», требующего подавлять слабого и действовать сугубо в личных интересах (6, 280). Столкновение «дон-кихотов», мечтающих в равенстве, братстве и всеобщей любви, со своекорыстными «борцами за существование» составляет основную сюжетную линию всех произведений Достоевского 1860–1879-х гг.

Обращаясь к истории европейской цивилизации, писатель и там обнаруживал жесткое противостояние двух принципов: идущей вразрез с «дарвинизмом» христианской заповеди о любви к ближнему и пресловутой «борьбы за существование» отдельных особей, разумеется, в сугубо своекорыстных целях, чаще всего и без прикрытия их фигурным листком «улучшения породы». Считая всю новую историю Европы попыткой «устроиться вне Бога и вне Христа», Достоевский находит причину бедствия в том, что люди отвергли происшедшую от Бога формулу спасения «“возлюби ближнего как самого себя” — и заменили ее практическими выводами вроде: “Chacun pour soi et Dieu pour tous⁶¹”» — или квазинаучными аксиомами вроде «борьбы за существование» (26, 90). «Борьба за существование» в геополитической версии получила свое освещение в «Дневнике писателя» Достоевского: «Говорят, исторический закон, что никогда еще во всю человеческую историю не случилось, чтобы два могучие народа, живя бок о бок друг с другом, не пожелали взаимно истребить один другого. Закон самосохранения, борьба за существование» (21, 313). Таковы, по его мнению, межнациональные конфликты внутри европейских стран, также связанные с общим трендом «борьбы за существование» (25, 79). Размышляя о франко-прусской войне, он говорил о ней как о «новом фазисе существования и борьбы за существование», при котором борьба может идти в «подземном, рептильном, заговорном» виде (26, 89). В XX в., в перспективе нового активного политического применения идеи социального дарвинизма, Достоевский предвидел мировые войны, сделав

⁶⁰ Писарев Д. И. Борьба за жизнь // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. СПб., 1894. С. 287.

⁶¹ Каждый за себя, а Бог за всех (франц.).

запись в своей тетради: «Реальность и истинность требований коммунизма и социализма и неизбежность европейского потрясения. Но тут наука — вне Христа и с полной верой. Должны быть открыты такие точные уже научные отношения между людьми и новый нравственный порядок (нет любви, есть один эгоизм, то есть борьба за существование) — науке верят твердо. Массы рвутся раньше науки и ограбят. Новое построение возьмет века. Века страшной смуты. А ну как все сведется лишь на деспотизм за кусок. Слишком много отдать духа за хлеб» (24, 164).

Политическим воплощением «социального дарвинизма» Достоевский считал коммунистическую идеологию и «исторический материализм». Не случайно К. Маркс оценил концепцию Дарвина как естественно-научный базис классовой борьбы в истории. Достоевский, как и Карл Маркс, отчетливо видел, что «Происхождение видов» нанесло христианству «смертельный удар»⁶², правда, в отличие от Маркса, не стал этому радоваться, считая, что закон эволюции прямо противоречит сущности человека как носителя разума и способного, в отличие от животных, к самосознанию, сознательно отказывающегося от главной добродетели «борьбы за существование», способного к самопожертвованию, величайшей глупости, согласно открытому Дарвином биологическому закону. Фактически все герои-философы Достоевского — активные борцы и протестанты против «закона выживания», противопоставляющие ему «идиотизм» своего поведения в жизни — прямодушного и бестрепетного следования требованиям правды и совести. Не случайно В. П. Буренин, один из «реалистов» 1860-х гг., требовал переименовать роман Достоевского «Идиот» в «Идиоты», так как увидел в нем принципиальный отказ его героев от следования своей жизненной выгоде.

За вторую половину XIX в. дарвинизм, выйдя из рамок научной гипотезы, обратился в религию, как и любая другая религия, не терпящую ереси и выдвигающую жесткие требования к своим апологетам. С тем, что вопрос об отношении к дарвинизму имеет принципиальное значение для нашего сознания, были согласны также либерально-демократические и социалистические деятели. Разница была лишь в том, что Н. Я. Данилевский решал этот вопрос с позиции православного христианина, а дарвинисты — с позиции материалистической, что вполне корректно с их стороны. Сам Дарвин сознается, что по мере развития своей научной темы «постепенно перестал верить в христианство как божественное откровение»⁶³. Если для

⁶² Маркс К. Письмо к Ф. Лассалю от 16 января 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Изд. 2. Т. 30. М., 1963. С. 475. Впоследствии к этому присоединился В. И. Ленин (*Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1967. С. 139).

⁶³ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера // Дарвин Ч. Сочинения. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 166–242.

Достоевского Бог пребывает в душах верующих, носителей его воли на Земле, и источником нравственности является вера в бессмертие, то у Дарвина носителем воли Бога является природа, которая с помощью «естественного отбора» ведет к выработке нравственных качеств, делающих возможным соблюдение евангельского закона об этическом равновесии между людьми, что, конечно, по Достоевскому является очевидным парадоксом. Религия дарвинизма имела для Достоевского безусловный языческий и антихристианский характер, о чем он не раз писал и говорил в самых разных случаях. Работая над «Братьями Карамазовыми», он сделал в своей тетради следующую многозначительную запись: «Осел 1-й руки и последней степени. Учитель Дарданелов. Не верую Дарвину. Происхождение стрекозы» (15, 307). Достоевский считал это явление опасным для страны, чреватым тяжелыми последствиями. Он писал: «Разве может русский юноша остаться индифферентным к влиянию этих предводителей европейской прогрессивной мысли и других им подобных, и особенно к русской стороне их учений? <...> русская сторона этих учений существует действительно. Состоит она в тех выводах из учений этих в виде несокрушимейших аксиом, которые делаются только в России; в Европе же возможность выводов этих, говорят, даже и не подозреваема. <...> вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено» (21, 132–133). Фактически именно связывание в одно целое учения Маркса об экономических формациях и дарвиновой теории «борьбы за существование», хорошо укладывающейся в пресловутую «борьбу классов», и породило ту гремучую смесь, которая отравляла сознание миллионов русских людей и привела страну в конечном итоге к катастрофе 1917 г., когда в качестве идеала Гомо Сапиенс была предложена модель «социального животного». В письме от 7 июня 1876 г. читателю своего «Дневника писателя» В. А. Алексееву Достоевский заметил: «Нынешний социализм в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причиной всех бедствий человеческих одно — нищета, борьба за существование, “среда заела”. На это Христос отвечал: “не одним хлебом бывает жив человек”, — то есть сказал аксиому и о духовном происхождении человека. Дьяволова идея могла подходить только к человеку-скоту <...> пусть откуда угодно произошел человек (в Библии вовсе не объяснено, как Бог лепил его из глины, взял от земли), но зато Бог вдунул в него дыхание жизни» (29₂, 85). В письменном диалоге со своим читателем А. Г. Ковнером Достоевский утверждает, что мораль обеспечивается бессмертием души, а существование бессмертной души прямо зависит от существования Бога: «...все высшие идеи жизни

должны вытекать не из идеи бессмертия души, а из идеи существования Бога <...> и говорить о душе как о логическом последствии Его» (29₂, 280).

Достоевский видел общую методологическую недостаточность теории Дарвина, который скрупулезно описал динамику изменений организмов в их исторической эволюции, однако не был в состоянии объяснить, откуда возникла жизнь как таковая, достаточно неуклюже установив свою теорию на моральную парадигму Ветхого Завета: «Жизнь с ее различными проявлениями Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм»⁶⁴. Вероятно, этого ему было достаточно как ученому-естественнику, однако именно эта общеполитическая недостаточность и породила эффект «социального дарвинизма» как весьма сомнительного общественно-политического тренда, нанесшего немалый урон европейской и русской культуре, что, разумеется, ни в коем случае не входило в планы самого Дарвина как ученого-естественника. Понимание всей этой ситуации со стороны лучших представителей русской мысли второй половины XIX в. заставляло их резко разделять теорию Дарвина и дарвинизм. Уважение к английскому ученому не мешало Достоевскому жестко бороться с общественно-политическими мемами, во множестве создаваемыми на основе теории Дарвина разного рода политическими деятелями, тип которых Достоевский изобразил в своем романе «Бесы» в образе Петра Верховенского, «социалиста-мошенника» (10. 325). Многочисленные аллюзии в произведениях и письмах писателя доказывают его глубокий интерес к философской теории Дарвина, а также стремление выработать достойный ответ на материалистическую трактовку «вековечного» вопроса о смысле человеческого существования.

Библиографический список

- Антонович М. А.* Избранные философские сочинения. [М.], 1945. 372 с.
- Безобразов В. П.* Очерки нижегородской ярмарки // Русский вестник. 1866. Кн. 1. С. 271–311.
- [*Берви-Флеровский В. В.*] Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина. СПб., 1878. 210 с.
- Владиславлев М. И.* Современный материализм. Физиологические письма Карла Фохта. СПб., 1864 // Эпоха. 1864. № 1. С. 1–16.
- Гексли Т. Г.* Место человека в царстве животном / Пер. с нем. изд. д-ра В. Каруса. М., 1864. 180 с.
- Данилевский Н. Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. Т. I. Ч. 1. СПб., 1885. 541 с.

⁶⁴ *Дарвин Ч.* О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь // Дарвин Ч. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1939. С. 270.

- Дарвин Ч.* Воспоминания о развитии моего ума и характера // Дарвин Ч. Сочинения. Т. 9. М., 1959. С. 166–242.
- Дарвин Ч.* О выражении ощущений у человека и животных. СПб., 1872. 335 с. [*Дарвин Ч.*] О происхождении видов в царстве животном и растительном путем естественного подбора родичей или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование. Соч. Чарльса Дарвина; пер. с англ. проф. Моск. ун-та С. А. Рачинский. СПб., 1864. 399 с.
- Дарвин Ч.* О происхождении видов путем естественного подбора или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование / Пер. с англ. проф. Моск. ун-та С. А. Рачинский. 2-е изд., испр. М., 1865. 399 с.
- Дарвин Ч.* О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь // Дарвин Ч. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1939. С. 253–667.
- Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. СПб., 1991. 533 с.
- Дарвин Ч.* Происхождение человека и подбор по отношению к полу. СПб., 1871. 933 с.
- Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор. Изд. 2-е. СПб., 1896. 445 с.
- Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1987. 544 с.
- Достоевская Л. Ф.* Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. 245 с.
- Достоевский Ф. М.* Бедные люди. М., 2015. 824 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- Зайцев В. А.* Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. 1863–1865. М., [1934]. 548 с.
- Зограб А.* Достоевский и Дарвин // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 28. СПб., 2012. С. 30–64.
- Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1967. С. 125–346.
- Максимовский М.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869. СПб., 1869. 416 с.
- Маркс К.* Письмо к Ф. Лассалю от 16 января 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Изд. 2. Т. 30. М., 1963. С. 473.
- Меццерский В.* Граф Обезьянинов на новом месте: Фантаст. этюд в 5-ти ч.: Продолжение сочинения «Один из наших бисмарков». Ч. 1–5. СПб., 1879. 239 с.; 261 с.; 271 с.; 324 с.; 255 с.
- Писарев Д. И.* Борьба за жизнь // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. СПб., 1894. С. 283–344.
- Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. М., 2006. 635 с.
- Страхов Н. Н.* Дурные признаки (О книге Ч. Дарвина «Происхождение видов») // Время. 1862. № 11. Ноябрь. С. 158–172, 2-я pag.
- Страхов Н. Н.* О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб., 1865. 202 с.
- Страхов Н. Н.* О развитии организмов. Попытка точно поставить вопрос // Природа / Ред. Л. Н. Сабанеев. М., 1874. Кн. 1. С. 1–58.
- Страхов Н. Н.* Переворот в науке. «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» Ч. Дарвина (СПб., 1871) // Заря. 1872. № 1. С. 1–18.

- Штакенинейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). М.–Л., 1934. 582 с.
- Darwin Ch.* De l'origine des espèces: ou des lois du progrès chez les êtres organisés / Par Ch. Darwin; traduit en français sur la 3^e édition avec l'autorisation de l'auteur par M^{lle} Clemence-Auguste Royer; avec une préface et notes du traducteur. Guillaumin et C^{ie}, Libraire-Editeurs: Victor Masson et Fils, Libraires-Editeurs, 1862. 712 p.
- Darwin Ch.* The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex: In 2 vols. Vol. 1. London, 1870. 688 p.
- Darwin Ch.* On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life. London, 1859. 440 p.
- Darwin Ch.* The Variation of Animals and Plants under Domestication. London, 1868. 412 p.
- Über die Entstehung der Arten im Thier- und Pflanzen-Reich durch natürliche Zuchtigung. Uebers. ond mil Aumerk. v. Dr. H. G. Bronn. Shift, 1860. 520 S.

K. A. Barsht

THE PHENOMENON OF “DARWINISM” AND THE THEORY OF EVOLUTION CH. DARWIN IN THE PHILOSOPHICAL AND ETHICAL CONCEPT OF F. M. DOSTOEVSKY

The article analyzes the influence that the Russian public life was influenced by the book of Ch. Darwin, the spread of the so-called “Darwinism” that did not fully coincide with Darwin’s views, which demanded that the laws of nature and “natural selection” be extended to the sphere of social life. Philosophical and sociological conclusions from this became the subject of heated discussion in Russian journalism, including the magazine of the Dostoevsky brothers “Vremya”, which, thanks to N. N. Strakhov, responded to the French publication “On the Origin of Species” with the article “Bad signs”. This work of Strakhov was edited by Dostoevsky, who fully agreed with its content. The concept of “pochvennichestvo”, which the writer developed in these years, ideologically opposed “Darwinism”, demanding to establish the norms of public life on religious and moral foundations. The main points of this article became the main theses of the allusive reflection of the book by Ch. Darwin’s works of fiction and publicistic speeches of the 1860s and 1870s.

Key words: F. M. Dostoevsky, “On the origin of species” Ch. Darwin, N. N. Strakhov, the phenomenon of Russian Darwinism.

References

- Antonovich M. A. *Izbrannye filosofskie sochineniya*. [Moscow], 1945. 372 p. (In Russ.)
- Bezobrazov V. P. Ocherki nizhegorodskoj yarmarki. *Russkij vestnik*. 1866, vol. 1. P. 271–311. (In Russ.)

- [Bervi-Flerovskij V.V.] *Filosofiya besoznatel'nogo, darvinizm i real'naya istina*. Saint Petersburg, 1878. 210 p. (In Russ.)
- Danilevskij N. Ya. *Darvinizm. Kriticheskoe issledovanie*. Vol. I. Ch. 1. Saint Petersburg, 1885. 541 p. (In Russ.)
- Darwin Ch. *O vyrazhenii oshchushchenij u cheloveka i zhitovnyh*. Saint Petersburg, 1872. 335 p. (In Russ.)
- Darwin Ch. *De l'origine des espèces: ou des lois du progrès chez les êtres organisés / Par Ch. Darwin; traduit en français sur la 3 édition avec l'autorisation de l'auteur par M-lle Clemence-Auguste Royer; avec une préface et notes du traducteur*. Guillaumin et Cie, Libraire-Editeurs: Victor Masson et Fils, Libraires-Editeurs, 1862. 712 p.
- Darwin Ch. *On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life*. London, 1859. 440 p.
- Darwin Ch. *The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex*: In 2 vols. Vol. 1. London, 1870. 688 p.
- Darwin Ch. *The Variation of Animals and Plants under Domestication*. London, 1868. 412 p.
- Über die Entstehung der Arten im Thier- und Pflanzen-Reich durch naturliche Zuchtigung*. Uebers. ond mil Aumerk. v. Dr. H. G. Bronn. Shift, 1860. 520 S. (In Germ.)
- O proiskhozhdenii vidov v carstve zhitovnom i rastitel'nom putem estestvennogo podbora rodichej ili o sohranении usovershenstvovannyh porod v bor'be za sushchestvovanie*. Soch. CHarl'sa Darvina; per. s angl. prof. Mosk. un-ta S.A. Rachinskij. Saint Petersburg, 1864. 399 p. (In Russ.)
- Darwin Ch. *Vospominaniya o razvitii moego uma i haraktera*. In: Darwin Ch. *Sochineniya*. Vol. 9. Moscow, 1959. P. 166–242. (In Russ.)
- Darwin Ch. *O proiskhozhdenii vidov putem estestvennogo podbora ili o sohranении usovershenstvovannyh porod v bor'be za sushchestvovanie*. Per. s angl. prof. Mosk. un-ta S.A. Rachinskij. 2-e ed., Moscow, 1865. 399 p. (In Russ.)
- Darwin Ch. *O proiskhozhdenii vidov putem estestvennogo otbora ili sohranении blagopriyatstvuemyh porod v bor'be za zhizn'*. In: Darwin Ch. *Sobranie sochinenij*. Vol. 3. Moscow, 1939. P. 253–667. (In Russ.)
- Darwin Ch. *Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora ili sohranenie blagopriyatnyh ras v bor'be za zhizn'*. Saint Petersburg, 1991. 533 p. (In Russ.)
- Darwin Ch. *Proiskhozhdenie cheloveka i podbor po otnosheniyu k polu*. Saint Petersburg, 1871. 933 p. (In Russ.)
- Darwin Ch. *Proiskhozhdenie cheloveka i polovoj otbor*. 2nd ed. Saint Petersburg, 1896. 445 p. (In Russ.)
- Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya*. Moscow, 1987. 544 p. (In Russ.)
- Dostoevskaya L. F. *Dostoevskij v izobrazhenii svoej docheri*. Saint Petersburg, 1992. 245 p. (In Russ.)
- Dostoevskij F. M. *Bednye lyudi*. Moscow, 2015. 824 p. (Ser. "Literaturnye pamyatniki"). (In Russ.)
- Lenin V. I. CHto takoe "druz'ya naroda" i kak oni voyuyut protiv social-demokratov. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij*. Vol. 1. Moscow, 1967. P. 125–346. (In Russ.)
- Huxley T. H. *Mesto cheloveka v carstve zhitovnom*. Per. s nem. izd. d-ra V. Karusa. Moscow, 1864. 180 p. (In Russ.)

- Maksimovskij M. *Istoricheskij ocherk razvitiya Glavnogo inzhenerenogo uchilishcha. 1819–1869*. Saint Petersburg, 1869. 416 p. (In Russ.)
- Marx K. Pis'mo k F. Lassalyu ot 16 yanvarya 1861 g. In: Marx K., Engels F. *Polnoe sobranie sochinenij*. 2 ed. Vol. 30. Moscow, 1963. P. 473. (In Russ.)
- Meshcherskij V. *Graf Obez'yaninov na novom meste: Fantast. etyud in 5 ch.: Prodolzhenie sochineniya "Odin iz nashih bismarkov"*. Saint Petersburg, 1879. 239 p.; 261 p.; 271 p.; 324 p.; 255 p. (In Russ.)
- Pisarev D. I. Bor'ba za zhizn'. In: Pisarev D. I. *Polnoe sobranie sochinenij*: In 6 vols. Vol. 6. Saint Petersburg, 1894. P. 283–344. (In Russ.)
- Porshnev B. F. *O nachale chelovecheskoj istorii: problemy paleopsihologii*. Moscow, 2006. 635 p. (In Russ.)
- Shtakenshneider E. A. *Dnevnik i zapiski (1854–1886)*. Moscow — Leningrad, 1934. 582 p. (In Russ.)
- Strahov N. N. Durnye priznaki (O knige Ch. Darvina "Proiskhozhdenie vidov"). *Vremya*. 1862, no. 11, noyabr'. P. 158–172, 2nd pag. (In Russ.)
- Strahov N. N. *O metode estestvennyh nauk i znachenii ih v obshchem obrazovanii*. Saint Petersburg, 1865. 202 p. (In Russ.)
- Strahov N. N. O razvitii organizmov. Popytka tochno postavit' vopros. In: *Priroda*, ed. L. N. Sabaneev. Moscow, 1874. Vol. 1. P. 1–58. (In Russ.)
- Strahov N. N. Perevorot v nauke. "Proiskhozhdenie cheloveka i podbor po otnosheniyu k polu" Ch. Darvina (Saint-Petersburg, 1871). *Zarya*. 1872, no. I. P. 1–18. (In Russ.)
- Vladislavlev M. I. Sovremennyj materializm. Fiziologicheskie pis'ma Karla Fohta. Saint Petersburg, 1864. *Epoha*. 1864, no. 1. P. 1–16. (In Russ.)
- Zajcev V. A. *Izbrannye sochineniya*: In 2 vols. Vol. 1. 1863–1865. Moscow, [1934]. 548 p. (In Russ.)
- Zohrab A. Dostoevskij i Darvin. In: *Dostoevskij i mirovaya kul'tura*. Al'manah. No. 28. Saint Petersburg, 2012. P. 30–64. (In Russ.)